

КАПКАН

ДЛЯ ЛЮБИМЫХ
ВНУЧЕК

Анна Былинова

Анна Былинова

Капкан для любимых внучек

<https://litres.ru/74105008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды Тоня получает странное смс, которое проливает свет на тайну исчезновения ее брата Валеры. Незвестный информатор намекает, что брат может быть у бабушки и дедушки, которых Тоня никогда не видела и которых ее отец почему-то давно мысленно похоронил. Тоня и ее сестра Стася едут к ним, чтобы узнать: там ли их брат и о каком подарке для них все время твердит бабушка.

Но поездка к бабушке и деду повлечет тяжелое нервное напряжение у девушек, когда на автомобиле Тоня внезапно соььет человека на велосипеде.

Теперь сестрам предстоит не только выяснить, какие скелеты спрятаны в богатом доме бабушки и деда, но так же постараться сберечь в тайне убийство на дороге.

Содержание

Примечание автора	4
Глава 1. Тайный информатор	5
Глава 2. Непреднамеренное убийство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Былинова

Капкан для любимых внучек

Примечание автора

Все персонажи и события в книге являются вымышленными, любое совпадение является случайным.

Глава 1. Тайный информатор

«Привет. Я помогу разыскать твоего брата».

Собственно так выглядело сообщение, после которого Тоня попала в ловушку. Нет, она не понимала в тот палящий августовский день, что эти шесть слов радикально изменят ее жизнь и жизни ее близких, да и честно сказать, ни о чем таком не думала. Сообщение огорошило, ударило по голове невидимым кулаком. И в эту минуту Тоня подумала лишь о брате. О Валерке, который уже как два года числился в уголовном розыске и который бесследно исчез.

Знаете тех маленьких девочек и мальчиков, грезящих о добром старшем брате, который всегда поможет и защитит? Так вот, Тоня никогда о таком брате не мечтала, потому что он у нее был. непохожий на своих родителей – мать – художница, отец – писатель, - Валерка, старший брат Тони Самойловой с самого детства увлекался спортом, а больше всего – боксом, и подавал большие надежды. Он носил домой всевозможные снаряды для спорта: гири, страшные советские гантели, однажды Тоня попробовала эти гантели: обхватила руками, завела себе за спину и, потянув за ручки в разные стороны, тут же зажала себе волосы пружинами. Потом громко кричала и плакала. А отец пригрозил Валерке, что выбросит все к чертовой матери, уж лучше бы ты, сын, занимался умственным трудом или искусством. Руки-ноги ка-

чать могут только те, кто больше ни на что не способен.

Валерка только улыбался и подмигивал Тоньке. Он ни-сколько не боялся отца – худощавого очкарика, заикающе-гося при сильном волнении. Потом он показал ей, как использовать гантели, и маленькая Тоня какое-то время качала мышцы рук и ног. Потом, правда, тяга к спорту прошла.

В Тонином детстве родители мало были дома: у них все время проходили так называемые творческие встречи, где, по словам родителей, собирались талантливые писатели, художники, музыканты и прочие творческие, но обязательно непризнанные личности (признанные почему-то редко бывали на этих вечерах) и обсуждались бессмертные рукописи, гениальные картины, нетленная музыка, вопросы культуры и искусства.

Однажды Тонька вместе с мамой была на такой встрече и долго не понимала, почему вопросы искусства решались гранеными стаканами, бутылками, смехом и рок-музыкой.

Стася, младшая сестра Тони и Валеры, тогда была совсем маленькой, часто плакала по ночам, и Валерка сидел с ней, пел ей песни. Если Тоня ночью вставала к плачущей Стасе, Валерка тут же прогонял ее: «Иди спать, Тонька. Я сам».

Потому Валерка был Тоне дороже всех. Матери, отца и даже вечно орущей Стаси.

Однажды, когда Валерка уже окончил колледж и стал работать тренером в одной спортивной школе, с ним случилась

беда. Он шел вечером домой, когда увидел двух явно перебравших с алкоголем дерущихся мужчин. Был бы повзрослее, прошел бы мимо. Был бы не один, а с девушкой или с двумя своими младшими сестрами, прошел бы мимо. Наверное. Но он был один, молод, уверен в себе и пошел разнимать дебоширов. А один набросился на него с «розочкой» в руке, тогда Валерка одним четким ударом уложил хулигана. Тот упал и больше не вставал.

Умер мужчина еще до приезда скорой. Так Валерка рассказал, когда прибежал домой. А потом сказал, что пойдет до магазина за молоком. Ушел и больше не вернулся. Полиция не нашла его ни в тот вечер, ни в следующие два года. Валерка просто растворился. Родители Тони, да и она сама не верили в то, что говорили в полиции: якобы Валера наврал, на самом деле ему сделали замечание на улице, и он подошел к человеку и без лишних слов ударил его, а потом еще и пнул. Не верили, потому что в их семье было очевидно, что Валерка не мог так сделать, потому что никогда не был жестоким человеком. И даже когда мама прочитала протокол, в котором были зафиксированы слова свидетелей, все равно сказала, что ее сына оговорили.

Два года ничего о нем не было известно, пока не пришло это СМС-сообщение.

Тоня пыталась дозвониться на этот номер, но никто не брал трубку.

«Кто ты?», — написала она.

«Я твой тайный информатор. Пожалуйста, не пытайся дозвониться. Я хочу остаться инкогнито».

Тоня не стала больше звонить, боясь, что информатор разозлится на нее и не скажет ничего. Ей даже в голову не пришло, почему информатор не захотел представиться. Сгорая от нетерпения, она не выпускала телефон из руки, пока не пришло очередное сообщение от информатора.

«Д. Столбовое, Яблонева 7».

Адрес. Но что за адрес?

Тоня открыла карту на телефоне. Столбовое оказалась в девяти регионах, а улица Яблонева была в каждом городе и в каждой деревне. Надо сужать поиски.

«Я не знаю, где это». — написала Тоня в ответ.

Неизвестный информатор отправил сообщение через час.

«Твой отец знает».

Немало заинтригованная Тоня, не мешкая, бросилась к родителям. Те жили на соседней улице в старом доме, построенном еще в эпоху перестройки.

Отец и мать, Евгений Самойлов и Любовь Самойлова, были дома, сидели на кухне. Когда Тоня ворвалась к ним, отец вздрогнул, потом долго прижимал ладонь к сердцу, будто чувствовал, что дочь пришла по его душу. Сизый дым плыл по пространству, на столе стояла початая бутылка, нехитрая закусь. Родители давно перестали пьянствовать на своих творческих встречах: большинство членов их клуба спи-

лись, кто-то умер, а кто-то просто постарел, разочаровался в жизни. Многие из членов этих клубов перенесли важные, а порой и пошлые разговоры о российском и мировом искусстве на собственные кухни.

«Пап, тебе этот адрес ни о чем не говорит? Столбовое, улица Яблонева, 7?», — Тоня выжидающе смотрела на отца. А тот отнял руку от груди и пристально взглянул на дочь. Затем он горько усмехнулся и дрожащим голосом сказал: «Зачем ты так?».

Признаться, Тоня сильно опешила. В глазах отца была обида, подбородок слегка подрагивал, как у ребенка, у которого отобрали игрушку.

«Пап? Чей это адрес?».

«Ты с ними общаешься, да? С этими ненормальными. За моей спиной! И как давно?».

Голос его сорвался на крик, под очками подозрительно блеснули глаза. Плачет, что ли? Тоня протянула руки вперед, шагнула к отцу.

«Пап! С кем? Ты о чем вообще?».

Отец бессильно опустился на скрипучий табурет, закрыл лицо руками. Тоня не понимала, что сделала не так, но, главное, ей до ужаса захотелось выяснить, почему отец так отреагировал на этот адрес. Она положила руку ему на плечо.

«Пап!».

«Что? — отец отнял руки от лица, в глазах его сверкнула

злость, на щеках заиграли желваки. — Что ты прикидываешься, Тоня? Ты общаешься с ними?»

«Да с кем!», — не выдержала она.

«С моими родителями!», — заорал отец.

Отец никогда не говорил о своих родителях. Точнее, говорил, что очень давно они погибли, а как, при каких обстоятельствах, не рассказывал. Да и мама молчала. Все они: и Валера, и Тоня, и Стася давно привыкли к этой мысли, что бабушек и дедушек у них нет, потому никогда и не спрашивали. А сейчас выясняется, что родители отца живы, если он думает, что она с ними общается. Вот это новость!

Тоня осторожно присела рядом с отцом.

«Послушай, папа. Этот адрес мне прислал тайный информатор. Валера там».

Отец резко повернул голову:

«Валерка у них? Валерка... вот же», — он недоговорил, губы мелко задрожали.

«Ты можешь нормально все объяснить? Я ничего не понимаю, папа! Ты ведь говорил, что твои родители погибли!».

Оказалось, не погибли. А преспокойненько жили себе в Подмоскowie. Отец под давлением взрослой дочери рассказал, что много лет назад разругался с ними и те его выгнали, с тех пор он ни разу с ними не виделся и никоим образом не общался. Да, мама Тони, Люба, втайне два раза звонила матери Евгения, сообщала, что родились дети, но однажды Евгений прознал про это и запретил ей звонить. Люба боль-

ше не поддерживала связь с родителями мужа.

Тоне это было странно услышать, но сколько бы она ни просила отца рассказать из-за чего возник скандал, тот лишь повторял: «Это ненормальные люди! Они помешаны только на деньгах, и ничего больше их не волнует!». А затем, после часового сложного разговора, он заключил: «Если Валера у них, то он предатель. И я больше не хочу его видеть в своем доме!».

Тоня покосилась на выцветшие обои их двухкомнатной крошечной квартирки с вечно протекающими трубами, балкончиком, на который страшно выходить, и вдруг, не зная истинной причины конфликта между ее отцом и его родителями, поняла, что отец, сам того не понимая, повторяет ситуацию. Только теперь он в заочном конфликте со своим сыном, которого уже считает предателем.

«Если он там, я сдам его в полицию!», – добавил отец. Здесь мать, долго и терпеливо молчавшая, вдруг вскочила, вытянула руку и вцепилась отцу в волосы и потянула их.

«Только попробуй! Я убью тебя, понял?», – прошипела она. Евгений скорчился от боли, Люба отпустила так же резко его волосы, как и схватила, повернула к Тоне хмурое лицо и сказала: «Съездите. Если он там, то пусть там и остается. Главное, чтобы он был жив». Снова холодно взглянула на мужа, встала и, пошатываясь, вышла из кухни.

Отец, сгорбившийся, примолкший пригладил потрепанную женой шевелюру, долил себе водки и обиженно сопел,

думая, возможно, о них, о своих ненормальных родителях.

Отец - не состоявшийся писатель, пил беспробудно, а когда не пил, то шел на работу. Он работал сторожем сутки через трое. Мать, малоизвестная художница, брала иногда заказы: разрисовать стены в детском саду, в подъездах, и тоже любила выпить. Два творческих человека в семье обречены либо на всемирную известность, либо на нищету и алкоголизм. Тоня жалела родителей и понимала, что алкоголем они заливали свои несбывшиеся мечты и невозвратную молодость, потому не ругала их, застав пьяными. Стася была грубее, могла и поругаться с отцом, потому последние несколько месяцев она жила с Тоней.

Больше Тоня ничего от отца не добилаь и отправилась в свою съемную квартиру.

Следующее сообщение от неизвестного информатора пришло, когда Тоня вышла из подъезда родительского дома.

«8923656..., ваша бабушка Зоя Сергеевна Самойлова. Очень приятный человек. Позвони ей, познакомься и попросись в гости».

Тоня в сильном волнении набрала номер бабушки. По телефону Зоя Сергеевна Самойлова и вправду оказалась весьма радушной женщиной, очень обрадовалась звонку Тони и сказала, чтоб та непременно приехала познакомиться. Обрадованная Тоня побежала домой, ей не терпелось рассказать новость Стасе.

Стася не спала. Лежала на диване, уставившись в смартфон.

Сестре недавно исполнилось двадцать, но всё равно она еще сильно походила на пятнадцатилетнего подростка – плотная, крепко взбитая, она красила волосы в розовый, носила странные серьги в виде лезвий и все время отпускала грубые шутки. Разница в возрасте между сестрами семь лет, потому Тоня иногда чувствовала себя матерью Стасе. Тонкая в талии, большеглазая Тоня тоже не выглядела на свои двадцать семь, потому сёстры с легкостью могли сойти за сверстниц.

Мама называла Тоню березкой, а Стасю из-за ее плотного телосложения крепким, молодым дубом. Отличительная черта матери – ирония с возрастом трансформировалась в злой сарказм. Стася, скорее всего, унаследовала эту мамину черту, а Тоня больше походила на папу. Только вот Валерка не походил ни на кого.

– Стась, есть разговор, – Тоня села на краешек дивана. Стася как будто не услышала ее и продолжала скроллить.

– Ну, оторвись на минуту! – Тоня сдернула с нее покрывало, Стася демонстративно цокнула, убрала телефон и, нарисовав на лице недовольную ухмылку, уставилась на сестру.

– У меня две новости. Первая: кажется, я знаю, где Валера.

Тоня подождала, что ответит Стася, но та пропустила сообщение мимо ушей, продолжая молча пялиться на сестру.

Тоню это слегка задело, ей казалось, что и Стася обрадуется новости. Но не дождавшись радости сестры, Тоня проговорила:

– Завтра я еду к бабушке и дедушке знакомиться. Оказалось, что родители отца живы.

Услышав это, Стася рывком вскочила:

– Да ладно!— заорала она. - У нас есть бабка с дедом? А они богатые?

Тоня вздохнула. Вот так всегда: стоит Стасе услышать про что-то ценное для нее, она оживает. Про Валерку она, конечно же, уже и не спросит.

– Я не знаю. Завтра в шесть утра выезжаю. Хочешь со мной – собирайся сейчас. Утром ждать не буду.

Желание разговаривать с сестрой сильно поубавилось. Тоня встала и пошла в ванную, оттуда уже услышала крик Стаси.

– А куда едем-то?

– В Подмосковье.

– Заедем в Москву?

Глава 2. Непреднамеренное убийство

Когда Валерка пропал, остался его старенький «бмв». Видимо, Валера понял, что на автомобиле его сразу же найдут, потому оставил свою машину. Брат когда-то купил автомобиль у знакомого почти за бесценок битым, с вмятиной на передней двери и со съехавшей набок крышкой капота. Почти два месяца ремонтировал, деньги на ремонт занимал у кого придется, и когда с сияющими глазами, наконец, приехал домой за рулем отремонтированной машины, сказал Тоньке: «Смотри, сестра, как надо! Когда покупал, никто не верил, что он заведется. Садись, прокачу».

Тоня села на пассажирское сидение. Двигатель мягко заурчал, автомобиль без какого-либо усилия за считанные секунды набрал скорость.

«Немец, мать его», – горделиво похлопал по рулю Валера. Тогда Тоня решила сдать на права, почему-то надеясь, что брат иногда будет ей разрешать покататься на его автомобиле. И как в воду глядела. После того как Валера пропал, несколько месяцев «бмв» сиротливо стоял во дворе, прежде чем Тоня впервые решила ее завести. С тех пор она на нем и ездила.

Утреннее небо было чистым, и день обещал быть жарким

и солнечным. Если верить карте, Тоня и Стася должны добраться до Столбового к восьми часам вечера. Четырнадцать часов пути. Не так уж и далеко.

Музыку Тоня настроила под себя – умеренный бит настраивал на мысли, Стася же, как только уселась в автомобиль, закрыла глаза и, похоже, сразу задремала. Голова у нее иногда опрокидывалась на стекло, Стася тут же просыпалась, хлопала глазами, но сон не отпускал ее и вскоре снова затягивал в свой омут.

«Откинь спинку», – посоветовала Тоня сестре, когда та в очередной раз проснулась оттого, что голова скатилась к стеклу. Стася настроила сидение и удобно легла.

Тоня убавила музыку. Дорога настраивала на размышления. Но о чем бы она ни подумала, мысли все время возвращались к жизни, к обыкновенным и таким надоевшим дням, в которых кроме работы, Аннушки, вечернего ужина с сестрой больше ничего не происходило. Но даже Стася не всегда ужинала с Тоней, чаще она пропадала со своими друзьями, однокурсниками, и Тоня скучала вечерами одна.

Два года назад Тоня брала кредит на бизнес: всегда мечтала о собственном магазине продуктов. Сняла помещение, повесила вывеску и вгрызлась в работу. Продавцом работала сама, а потом взяла на работу девушку. Все шло прекрасно ровно четыре месяца, пока однажды ночью в ее магазине не случился пожар, который вмиг уничтожил не только товар,

но и само помещение. Пожар случился по вине сторожа, который работал у нее нелегально. Сторож сразу же куда-то испарился, а у Тони остался долг за помещение и невыплаченный кредит. И ей ничего не оставалось делать, как пойти работать в магазин напитков. Потому последний год она работала продавцом-консультантом в алкомаркете, принадлежащим гигантской сети магазинов «Алый рассвет». Зарплата была у Тони так себе, да и начальство постоянно требовало больше продаж, больше выручки, больше часов на работе. Анна Васильевна, которую за глаза называли просто Аннушкой, приезжала почти каждый день. И почти каждый день у сотрудников магазина «Алый рассвет» было испорченное настроение. Аннушка принималась кричать и визжать, что товары выставлены неправильно, что она постоянно запинается о ящики, которые не успели разобрать. Короче, Аннушка была самым настоящим воплощением зла на земле.

Тоня давно бы уволилась и пошла бы работать в другой магазин, но смысл менять шило на мыло? В другом магазине была бы такая же Аннушка, потому что российские, да и вообще все продуктовые, алкогольные магазины немыслимы без Аннушек.

Кредит, так или иначе, нужно выплатить, иначе заберут родительскую квартиру, которую Тоня, уговорив родителей, оставила под залог банку. Дура. Вот, что теперь она думала про себя. Как она могла поверить в то, что нищета, которая давно и прочно поселилась в родительской квартире, так лег-

ко выпустит Тоню из своих цепких лап? Как она могла уверовать в свою счастливую звезду? Откуда она вообще взяла, что над ней светит эта счастливая звезда, о которой вечно мечтали родители и про которую безостановочно твердят в соцсетях все, кто не попадая?

Тоня усмехнулась, глядя перед собой – на дорогу, машины, знаки. Ничего ей не светит в этом мире. Чем скорее она поймет, тем лучше. Рано или поздно рассчитается с долгами, будет жить свою тихую жизнь, ходить на работу, терпеть Аннушку, и, может быть, когда-нибудь встретит хорошего парня. Пусть и не богатого, и не сильно красивого, но работающего. Который поможет Тоне. Она не думала о любви, она лишь хотела человека рядом, с которым можно было бы разделить будничные тяготы.

Стася проснулась, поставила спинку кресла в горизонтальное положение, выпила воды. Посидела немного и потянулась переключить музыку. Включила что-то шипяще – взвизгивающее, совсем непонятное для Тониных ушей. И стала потрясывать ногой в такт своей дурацкой музыке.

Музыка Стаси била по мозгам.

– Можно что-нибудь поадекватнее? Это кваканье невозможно слушать. – через некоторое время проворчала Тоня. Стася усмехнулась:

– Окстись, старушка.

Да, иногда она называла Тоню старушкой. И Тоня на это не обращала внимания.

Тоня протянула руку и выключила музыку. Младшая закатила глаза, достала наушники. Через несколько минут она подняла голову.

– Слушай, – сказала она. – Как думаешь, эти бабка с дедкой, какие они?

Тоня пожала плечами:

– Не знаю. Наверно, обычные.

– Какие – обычные? Как бабка Люба из седьмой квартиры? – усмехнулась Стася.

Тоня засмеялась.

– Ну уж точно не как она. Таких экземпляров еще поискать надо.

Баба Люба из седьмой квартиры представляла собой тот тип людей, которым катастрофически не хватает общения. Уж сколько раз баба Люба приходила со своими вареньями, соленьями, постряпушками, лишь бы поболтать. Лишь бы узнать, «чем занимаются эти ваши дочки, уж смотрите за ними, а то Стаська ваша розовым волосы красит, а Тонька юбку короткую носит». Родители под разными предлогами выпроваживали бабуку, но на следующий день она в шесть или в семь вечера была уже на пороге. «Вот я вам ужин приготовила, а то ваши то девочки, поди, не умеют. Оставят родителей голодных». Потом ее просто перестали пускать на порог, и она начала ходить к другим соседям и рассказывать, какие же неблагодарные люди живут в девятой квартире и какие ужасные грубиянки их дочери. Вскоре и те ее прогна-

ли, да люди там оказались прямолинейными и решительными, не как Самойловы. Тогда баба Люба принялась умасливать соседей снизу, затем соседей сверху. Когда все перестали ее впускать, она основательно поселилась у дверей подъезда. Выносила стул и сидела целыми днями, приставая вопросами к дворнику дяде Мише.

«Ты, Миша, гляди, аккуратно мети, а то пыль мне в лицо летит», – говорила она.

«Так домой иди, баба Люба, отдыхай. Чего тут пыль глотать?», – отвечал дядя Миша.

«А ты мне не указывай, куда мне идти. Я здесь всю жизнь прожила, здесь квартира моя. А твоя где квартира? Вот там и распоряжайся».

Потом баба Люба пожаловалась на дядю Мишу, что тот плохо убирает возле ее подъезда. В общем, баба Люба была сущим наказанием для всего дома. Да, слава богу, и сейчас здравствует.

– Отец говорил, что они были кринжовые. – задумчиво сказала Стася.

– Прям так и сказал? – усмехнулась Тоня.

– Ну не так, конечно. Ну, типа, когда они живы были, то постоянно пилили его.

– Приедем – увидим. – ответила Тоня. Тоня отличалась критическим умом. Не все, что говорил папа, она принимала за чистую монету. Папа – творческая личность, глубоко обиженный на своих родителей человек.

– Не удивительно, что он их заранее похоронил, – заржала Стася.

В Москву они приехали в седьмом часу вечера, Стася хотела погулять одна, и как только Тоня, наконец, нашла место на парковке за баснословные 700 рублей в час, Стася куда-то удрала и потом не брала трубку, и Тоня целых два часа шаталась по Красной площади, ругаясь про себя и считая, сколько ей придется заплатить за парковочное место.

Потом, когда отчего-то довольная Стася явилась, они поехали на ВДНХ, потом зачем-то катались на колесе обозрения. В машину сели уже в одиннадцатом часу вечера изрядно уставшие. И тут же попали в пробку почти на три часа.

К часу ночи, наконец, удалось выбраться из пробки, поехали бодрее.

Вид из окон представлялся бесконечной лесополосой, сменяющей поля, озера. Маленькие городки и посёлки стремительно проносились мимо.

К трем полил дождь, на дорогах мгновенно образовались лужи, фары встречных автомобилей стали сильно бить по глазам. На повороте Тоня чуть не влетела в отбойник, спасло лишь то, что скорость была небольшой. Резко вывернула руль влево, затем вправо, остановилась на обочине.

– Ты чего творишь? – не испуганно, а недовольно протянула Стася.

– Так, все! Надо поспать. – сказала Тоня, разглядывая ука-

затели.

– В смысле? Пятьдесят километров осталось до Столбового!

– Правда? – фальшиво улыбнулась Тоня, – кто без ума хотел в Москве погулять? Если бы раньше выехали, в пробку бы не попали и добрались до деревни еще засветло!

–Ой, не надо на меня бочку катить, ладно! – гневно выкрикнула Стася, открыла карту на телефоне и затем более миролюбиво добавила: – Хочешь спать, пожалуйста. Через пятнадцать километров будет заправка, там и заночуем.

Девушки доехали до заправки, остановились. Стася отказалась от ужина, как кошка перелезла на задние сидения и свернулась там комочком. А Тоня пожевала крекер, задумчиво глядя на торцевую стену супермаркета, затем откинула спинку водительского кресла и легла. Почти сразу же она провалилась в долгожданный, но прерывистый сон.

Едва занялся рассвет, Тоня проснулась. Дождь давно кончился. Тело затекло от неудобной позы, в голове стучало. Девушка открыла дверь и вышла наружу. Вокруг стоял туман, плотный, как вата. Где-то недалеко тенькала птица, в стороне слышался шум автострады. Тоня с удовольствием потянулась, потрясла ногами и руками. Молодое тело тут же отреагировало, сбросило с себя сонную одурь и потребовало утренних удовлетворений естественных потребностей.

Тоня зашла в маркет, поздоровалась с сонной кассиршей и заказала два кофе с сэндвичами. Пока девушка делала

сэндвичи, Тоня уставилась в плазменный телевизор, по которому шли новости. На экране крупным планом стоял солидный седовласый мужчина и рассказывал про дома будущего: «Понимаете, наш проект "Дома будущего" направлен в первую очередь для пожилых людей, которые по каким-то причинам остались без попечительства детей. Мы сейчас не говорим, по каким причинам. Мы говорим про удобства: про регулируемые ванны и унитазы, которые можно будет построить под себя. Про автоматические котлы, которые будут обогревать дом круглосуточно, независимо от хозяев. Про лифты в комнатах и прочие новые, но, безусловно нужные вещи...». Внизу экрана крупным белым шрифтом была надпись: «Альберт Хармс, архитектор, строитель, художник».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.